

*В.В.Журавлев,
доктор исторических наук.
Российский независимый институт
социальных и национальных проблем*

Личность как заложница
государства и общества
(К постановке проблемы)

Мне уже приходилось высказывать, в том числе и в печати, убеждение, что треугольник, в рамках которого реализуется российский социально-политический процесс — государство, общество, личность, веками был зоной перманентных бурь, являя собой облик некоего "бермудского треугольника", в громокипящих просторах которого бесследно исчезали мессианские идеологии, социальные прожекты, благие намерения "верхов" и наивные ожидания "низов", склонных к резкому переходу от всеокрушающей стихии "коллективного бессознательно-го", азарта "бесмысленного и беспощадного" русского бунта к

социальной апатии и бездумной вере в очередного демагога, облачившегося в тогу спасителя Отечества. При всей размытости в истории страны такого фактора, как религиозность масс, одно несомненно: христианская идея пришествия Спасителя мира прочно вошла в историческое и политическое сознание русского человека, в миропонимание народа. В политической сфере она нашла свое воплощение в неизбытном уповании на всеилие харизматического лидера, якобы способного взять на себя и единолично решить за всех те проблемы, с которыми ни общество, ни государство, ни рядовая личность оказываются не в состоянии справиться ни в одиночку, ни совместными усилиями.

Отечественная историография немало сделала для того, чтобы попытаться понять судьбу страны через государство, общество в целом, его отдельные социальные силы, классы, партии, общественные организации. При этом — на определенном этапе развития советской исторической науки — за социологическими схемами и жесткими конструкциями моноидеологии "потерянным" в историческом пространстве оказался человек, точнее, человеческая личность, индивидуальность как фактор исторического и процесса и прогресса. Сегодня наука наша пытается наверстать это отставание, все более и более апеллируя к возможностям антропологического подхода к анализу прошлого. В этом смысле современная историография приобретает черты *человековедения* и уже отсюда — обществоведения.

Увидеть общество через конкретную индивидуальность — такой подход обладает еще далеко не реализованным в нашей (не только исторической) науке методологическим и информативным потенциалами. Он позволяет с иного, чем ранее, уровня выйти на стезю познания глубинных истоков, определивших своеобразие исторического пути страны, характер и содержание тех острых проблем, которые терзают нас по сей день, не получив должного своевременного разрешения.

Исследования последних лет позволяют выделить как константу исторического пути России, возникшую под воздействием суммы объективных и субъективных обстоятельств и сохраняющуюся по сей день, пропасть между государством и обществом. Их вековое противостояние определяется и регулярно подпитывается, с одной стороны, самодостаточным характером российской власти и присущим ей инстинктом по нужде и без нужды диктовать свою волю обществу, с другой же — глубоким недоверием общества к инициативам и акциям "верхов".

А что же остается личности в этих условиях? Втиснутая между Сциллой авторитарного государства, нацеленного на деспотический диктат, и Харибдой общества, тяготеющего к консервативному традиционализму, личность оказывается в сложном положении, оставаясь заложницей одновременно и первого и второго.

Вину за такое положение вещей мы привычно возлагаем на государство (что само по себе во многом справедливо), не пытаясь,

однако, идти дальше — к исследованию механизмов совокупного воздействия на личность, оказываемого как государством, так и обществом. Между тем сегодня особенно важно проследить характер и динамику функционирования такого механизма, пытаюсь в том числе уяснить на этой основе истоки кажущейся многим фатальной неререформируемости российского общества, болезненного разрыва между намерениями и результатами, широковетельными обещаниями претендентов на лавровый венок реформаторов и практическими плодами дел их. Очевидно, что истоки эти следует искать не только в государстве, но и в обществе, а также во взращенной обществом и вымуштрованной государством личности.

Из детерминированного суммой условий и обстоятельств положения личности как заложницы государства, общества, а в итоге — и собственной ментальности проистекает цепь следствий, номенклатура и иерархия которых, характер взаимодействия требуют целенаправленного сквозного изучения на материалах многовековой отечественной истории по ряду направлений.

Первое направление: роль государства и общества в решении вопроса о правах человека — естественных, социально-экономических, политических. В частности, в чем конкретно состояла ответственность государства, общества и самого человека — его мировоззрения, исторически реальных стандартов поведения, социальных традиций и культуры общежития, за то, что права эти на протяжении веков не реализовывались должным образом?

Второе направление: характер воздействия вышеупомянутых факторов на формирование творческой индивидуальности в российской истории — мыслителей, художников пера и кисти, реформаторов, революционеров. В чем, например, можно, идя за Ф.М. Достоевским, считать последних "бесами", а в чем — продуктом, жертвой бесовщины как выражения традиций господствовавшей в обществе конфронтационной политической культуры?

Наконец, третье направление: политические лидеры как одновременно архитекторы, продукты, заложники и жертвы российской истории. На протяжении веков здесь проявляет себя один из парадоксов, а именно: редкие из них, обладая, казалось бы, безграничной самодержавной властью, могли позволить себе роскошь самореализации, привилегию оставаться самими собой и в политике, и в личной жизни.

Если первые два направления накопили к настоящему времени достаточно основательную и динамично пополняющуюся историографию, то третье направление требует к себе повышенного внимания историков.

"Подняться над обстоятельствами" было дано немногим из насчитывающих менее сотни "первых лиц" в тысячелетней истории России. Княгиня Ольга после трагической гибели своего мужа,

князя Игоря, не только отреагировала на это событие в традициях кровной мести, но превратила последнюю в орудие укрепления государства, в способ упрочения конструктивных взаимоотношений центральной власти, Киева с местными племенными элитами. На уровне "вызовов времени" — вставшего перед страной исторического выбора, оказались Владимир Святой и позднее, в новых условиях, Иван III. Но отнюдь не Иван IV, хотя в целом и правильно оценивший выбор, перед которым стояла страна, но не сумевший эффективно его реализовать будучи пленником страха, низменных страстей, психической неуравновешенности, разлагающего воздействия своей безграничной власти над людьми. Но не над обстоятельствами: роковое заблуждение многих деспотов в отечественной истории (и не только в отечественной) состояло в том, что они отождествляли первое со вторым. Екатерина II смогла обратить черты своей западноевропейской ментальности на пользу России. Во многом самореализовался Александр II, сумевший историческую необходимость решительных перемен примирить с собственными, далеко не адекватными этим переменам убеждениями.

Вместе с тем недостижимость идеала, которому была отдана вся жизнь, трансформация задуманного в процессе осуществления в нечто иное, пугающе непохожее на ожидавшееся, стала источником личной драмы, болезни и ранней смерти Ленина, о котором А.Д.Сахаров впоследствии скажет: "Я согласен с высказыванием Бердяева, что исходный импульс Ульянова и большинства других деятелей революции был человеческий, нравственный. Логика борьбы, трагические повороты истории сделали их действия и их самих такими, какими они стали"¹. Президент же СССР М.С.Горбачев, скорее всего, так и не заметил, что служил лишь орудием стоявших за его спиной антигосударственных сил, которые вместе с СССР бесцеремонно отравили на свалку истории и его самого. Пагубная традиция самодостаточности отечественной власти, умудряющейся, как мне уже приходилось писать, с комфортом, забыв о долге и политической ответственности, обустраиваться в капитанской каюте даже терпящего бедствие государственного корабля, нашла почти классическую персонификацию в первом российском Президенте.

Одной из живо обсуждающихся сегодня сторон эпохи разложения ельцинского режима стала проблема "семьи", ближайшего окружения главы государства. С отставкой Б.Н.Ельцина проблема эта не ушла в небытие и, судя по всему, имеет шанс на продолжение на обновленной политической основе. Между тем подобные коллизии в нашей истории далеко не уникальны, они характерны и для других поворотных эпох в жизни страны. Трудно было бы оценить феномен Петра I без учета отношений с семьей, в которой он вырос, в частности, с сестрой Софьей и ее окружением, в борьбе с кото-

---

¹ Цит. по: Буртин Ю. Три Ленина // Независимая газета. 1999. 21 янв.

рыми закалялся его дух реформатора. Отношения Александра II с княгиней Е.М.Долгорукой-Юрьевской не только осложнили личную жизнь императора, но в какой-то мере и развязали ему руки в плане противодействия давлению на него консервативного семейного клана Романовых.

С.Ю.Витте вспоминал, как в молодые годы, служа на Одесской железной дороге, сопровождал поезд с княгиней Юрьевской, который лишь чудом избежал аварии. Описывая этот случай, мемуарист подкрепляет его характерным резюме: "Сколько раз после я думал: ну, а если бы произошла ошибка и наш поезд меньше даже, чем на одну минуту опоздал бы? Ведь тогда произошло бы крушение, и от вагона, в котором ехала княгиня Юрьевская, остались бы одни щепки, и какое бы это имело влияние на всю будущую судьбу России, не исключая, может быть, и 1 марта? Когда я думаю об этом, мне приходит в голову такое философское рассуждение: от каких ничтожных случайностей, часто от одной минуты времени, зависит судьба народов и колесо истории поворачивается в ту или другую сторону"¹.

Примером от обратного в плане осмысления проблемы "политический лидер и семья" могут служить обстоятельства появления Манифеста 17 октября 1905 г. Зная упрямый нрав Николая II и его отношение к "бессмысленным мечтаниям" либеральной части общества, можно предполагать, что перед давлением министров (того же Витте) он мог и устоять. Сдаться же его заставила позиция некоторых обеспокоенных собственной судьбой членов семьи, в частности дяди великого князя Николая Николаевича, пригрозившего племяннику, что он застрелится в императорском кабинете, если Манифест не будет подписан.

Таким образом, давление на политического лидера со стороны "микрообщества" (в лице ближайшего окружения — личного и политического) часто брало верх над воздействием на него российско-социума в целом, а также традиций, норм и даже насущных потребностей государственной машины. Недооценка этого обстоятельства, упование на "неодолимую силу исторического прогресса" часто ведет историка к искаженному восприятию реального соотношения факторов отечественного исторического процесса.

Выявляя роль государства и роль общества в их совокупном давлении на личность, не следует забывать и того, *что* из заключенного в ментальности россиян мешает их самореализации. Это — специальная, большая и сложная тема. Отмечу в связи с этим лишь один момент со ссылкой на мнение выдающегося соотечественника Сергея Андреевича Муромцева, свидетельствующее о том, что либералы начала XX в. были реалистами в восприятии современного им общества и человека. Русская натура, говорил председатель

---

¹ *Bumme С.Ю.* Воспоминания: В 3-х т. М., 1960. Т. 1. С. 93.

I Государственной Думы, "ни за что не принимается холодно и ничего не оканчивает горячо"¹. Для того же чтобы такие грандиозные начинания, как системные реформы достигали необходимых результатов, требуются и обратный порядок социальных состояний, и иная иерархия целевых установок.

В очерченных выше условиях взаимодействия власти, общества и личности особое значение приобретает анализ того, что способствовало и что мешало личности в истории России "подняться над обстоятельствами", самореализовать себя. Один из аспектов такой постановки — вопрос об исторических судьбах инакомыслия в нашей стране.

Обращаясь к истории советского общества под сформулированным углом зрения, остановимся лишь на одном аспекте. А именно: прервалась ли традиция российского либерализма второй половины XIX — начала XX вв. в условиях советского общества и была ли она подхвачена радикал-либеральными силами в обстановке общества постсоветского?

На необходимость уяснения этого вопроса наталкивает исходящая от правых сил современного российского общества тенденция привязать к своей колеснице традиционный российский либерализм. Тенденция эта полностью укладывается в концепцию нынешних радикал-либералов о том, что советская история — "черная дыра", прерыв, провал в линии исторического развития страны, некий "тупиковый карман", что якобы и позволяет сегодня непосредственно пролонгировать процессы, не получившие развития из-за событий 1917 г.

Характерны в этом плане изложенные в программных документах партии Е.Гайдара "Демократический выбор России" претензии на то, чтобы представить современных радикал-либералов прозападного, а точнее, проамериканского толка наследниками идей и политических традиций П.Н.Милюкова, В.Д.Набокова, В.И.Вернадского². Авторы этих документов не смущает тот факт, что программные принципы гайдаровской партии вступают в резкое противоречие с представлениями, идеалами и принципами практической деятельности той же конституционно-демократической партии России начала века, ибо либералы той поры (в отличие от современных правых) были последовательными эволюционистами, государственниками, а также яркими представителями политики "чистых рук".

О чистоте рук организаторов, апологетов и адвокатов кровавых событий октября 1993 г. говорить не приходится, как и о заявке

---

¹ См.: *Аронов Д.В.* Научная и общественно-политическая деятельность Сергея Андреевича Муромцева. Дисс. канд. ист. наук. Орел, 1999. С. 28.

² Подробно об этом см.: *Журавлев В.В.* Прошлое, настоящее и будущее России в программных документах современных политических партий // Роль государства в развитии общества: Россия и международный опыт. М., 1997; Политические партии России: История и современность. М., 2000. С. 543-550.

автора книги с претенциозным названием "Государство и эволюция" и иже с ним на роль защитников ненасильственных методов социального прогресса при важной роли государственного начала в ходе реализации задач такого прогресса. Не сочетается претензия на кадетское наследие и с утверждением современных правых радикалов о полной неререформируемости советского общества и о фатальной неизбежности и необходимости его слома на рубеже 80—90-х годов. Никак не согласуется с представлениями дореволюционных либералов и взгляд инициаторов российских "реформ" конца века на роль права, законности в процессе общественных перемен. Последние заговорили о праве лишь тогда, когда исчерпали возможности достижения своих целей неправовыми методами захвата и удержания власти, а также передела собственности и встали перед необходимостью защищать незыблемость уже *своей* власти и *своих* прав на вновь обретенную — в основном нелегитимными способами — собственность.

Можно ли из сказанного сделать вывод, что интеллектуальный и социально-политический багаж русских либералов начала XX в. оказался невостребованным на всем остальном протяжении уходящего столетия? Думается, что оснований для такого вывода нет. К настоящему времени уже достаточно много написано о диссидентском движении брежневской эпохи — движении достаточно скромном по своим масштабам и расплывчатом в плане идеологии¹. Но до сих пор не создано ни одного солидного труда, посвященного целому поколению "детей XX съезда", так называемых шестидесятников. Представляется, что есть основания считать их в чем-то стихийными, а в чем-то и сознательными (с этим еще предстоит разобраться на конкретно-историческом уровне) наследниками и продолжателями идей и дел представителей либерализма начала века, сущность которых Б.Н.Чичерин еще на заре либерализма выразил в формуле: "Примирение начал свободы с началом власти и закона"².

Будучи перенесенными в обстановке "оттепели" на советскую почву (а точнее, возрожденными, возобновленными в новых исторических реалиях) идеи эти, естественно, были облечены в другие идеологические одежды, выражены в системе иных понятий и терминов. Но что их роднит с представлениями дореволюционных либералов? Вера в возможность мирной, эволюционной либерализации общественных отношений, демократизации государственных и общественных институтов, поддержка курса на восстановление и укрепление законности. Достаточно проанализировать корпус материалов журнала "Новый мир" конца 50-х — начала 60-х годов, чтобы убедиться, что в них содержится сис-

¹ Из последних обобщающих трудов см. в первую очередь: Королев А.Л. Диссидентство как общественно-политический феномен // Проблемы политической и экономической истории России. М., 1998. С. 216-232.

² Чичерин Б.Н. О народном представительстве М., 1866. С. 10, 535.

тема взглядов на будущее советского общества, во многом сопоставимая с представлениями российских либералов начала века относительно возможностей мирного преобразования современного им общества на путях либерализации. Это очевидно при всей несхожести (по понятным причинам) употребляемой шестидесятниками терминологии. Чтобы понять суть таких приемов, достаточно проанализировать, что те или иные авторы "Нового мира" реально вкладывали в понятие "восстановление ленинских норм жизни": вначале они приписывали В.И.Ленину взгляды общедемократического порядка, а затем пропагандировали их, апеллируя уже к ленинскому авторитету.

С заявки на "современное прочтение Ленина" разворачивалась деятельность "нового направления" в исторической науке 60-х — начала 70-х годов. Лидеры его (П.В.Волобуев, К.Н.Тарновский) в исследовании типа капиталистической эволюции России подспудно усматривали лишь начальный подход к анализу вопроса о типе, особенностях, утвердившихся в нашей стране общественных отношений, официально именовавшихся социализмом. Реализация этих долговременных задач требовала комплексного подхода к рассмотрению суммы факторов как объективного (в том числе социально-экономического), так и субъективного порядка. К постановке проблемы прав человека шестидесятники шли с разных направлений, в том числе и с позиций анализа исторического прошлого. Знаменательно, что в статье "О фигуре умолчания в исторической науке", предназначенной к публикации во втором номере журнала "Новый мир" за 1966 г., историки советского общества В.П.Данилов и СЛЯкубовская акцентировали внимание на том, что замалчивание деятельности реальных исторических лиц "обедняет историю" и имеет "разрушительные последствия" для историографического процесса. Реакция Комитета по печати при Совете Министров СССР на эту, в сущности, либеральную позицию, изложенная в записке в адрес ЦК КПСС, была жесткой и определенной: "Такая постановка вопроса, ориентирующая на так называемый показ деятельности Троцкого, Зиновьева и других лиц, противоречит политике партии"¹.

Не случайно уже тогда мировоззренческая позиция и акции "впередсмотрящих" представителей советской интеллигенция рассматривались на Западе под углом зрения борьбы "либерализма с советским консерватизмом", а в числе "особо талантливых участников либерального течения" в литературе и искусстве, помимо А.Твардовского и А.Солженицына, назывались поэты А.Вознесенский, Е.Евтушенко, Л.Мартынов, Б.Ахмадулина, скульптор В.Сидур, художник И.Глазунов², т.е. деятели достаточно широкого

---

¹ История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М, 1997. С. 161.

² Там же. С. 585.

мировоззренческого спектра, сходящиеся, пожалуй, лишь в одном: в отстаивании права личности на самовыражение.

Даже А.Д.Сахаров, подхватив распространенную на Западе идею конвергенции, так переакцентировал ее, что при наличии доброй воли ее вполне можно было рассматривать как модель либерализации советского общества без слома его несущих конструкций, но на пути вхождения СССР в будущий обновленный миропорядок. Было ли это утопией? Если оценивать альтернативное поле советского общества "периода оттепели" с позиций во многом сопоставимого опыта начавшихся позднее китайских реформ, есть основания считать, что отстаиваемая шестидесятниками альтернатива не была заранее обречена на неуспех.

Констатация этого обстоятельства позволяет идти дальше в осмыслении нереализованных вариантов исторического развития нашей страны и объективных социальных функций их носителей.

Действуя в разные исторические эпохи и руководствуясь различными соображениями, либералы начала XX в., с одной стороны, и шестидесятники — с другой — объективно шли к сходной цели. Идеалом первых была конституционная монархия с гражданским обществом и правовым государством. Целью вторых — "демократический социализм с человеческим лицом" по идеологической форме, а на деле — максимально смягченный авторитаризм, обогащенный элементами и структурами общецивилизационного порядка, включая правовые гарантии граждан и определенную степень их независимости от государственного диктата. Но и тот, и другой тип общества, будь его идея реализована, означал бы на практике то, что сегодня называется вхождением России в систему цивилизованного мира. Равноправным, достойным вхождением, которое не лишало бы нашу страну ее исторической и цивилизационной неповторимости, способности к органическому прогрессу — не в русле исчерпавшего себя "догоняющего развития", а на основе адекватного условиям и возможностям страны ответа на "вызовы времени".

Диктат власти, а также несогласованность действий, отсутствие взаимной доброй воли, перманентная конфронтационность в границах треугольника "власть — общество — личность" дважды в течение столетия — в начале века и на этапе хрущевской "оттепели" — лишили нашу страну возможности перехода к органическому развитию в рамках эволюции, постепенного совершенствования уже наработанных историческим опытом социальных систем и институтов. Третья попытка на исходе второго тысячелетия — на этот раз "прорваться в будущее с боем" — для общества, поддержавшего радикальных экспериментаторов, стала актом отчаяния, который обернулся разрушением и государства, и общества. Опасность нависла над несущими конструкциями, худо-бедно поддерживающими еще самостояние и достоинство личности россиянина, ее воспроизводство в поколениях.

"Будущее не должно застать нас врасплох", — говорил выдающийся русский либерал и правовед С.А.Муромцев, выступая на заседании Юридического общества 23 февраля 1881 г. Тогда это будущее для России наступило буквально на шестой день — строго по библейским нормам. Пришло оно с событиями 1 марта и оказалось совсем не таким, каким грезилось либералам. И застало оно русское общество врасплох далеко не в том смысле, в каком либеральная часть общества за него опасалась. Либералы рассчитывали, что пройдет немного времени, и "русской общественной мысли придется играть подобающую ей роль". Получили же они разорванное в клочья бомбой террориста тело императора и как следствие — наступление эпохи, когда само слово "мысль" оказалось под полицейским надзором.

Через 120 лет в канун празднования нового, 2000 года общество, в очередной раз уповающее на перемены, вновь поставили в тупик, попытавшись предрешить за него, *что* это будут за перемены и даже в *ком* они будут персонифицированы. А это означает, что, вступая в новый век и новое тысячелетие, страна наша так и не сумела разрешить тех глубоких и острых противоречий в системе "власть — общество — личность", сохранение которых дает и впредь основание считать этот треугольник "бермудским".